

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ И. КАНТА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Мысов Евгений Андреевич

студент факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье реконструируется процесс проникновения и адаптации философских идей И. Канта в интеллектуальной истории Беларуси. Основу теоретической реконструкции составляют принципы культурного трансфера. Показано, каким образом происходило критическое осмысление философских идей И. Канта на пересечении двух интеллектуальных историй – западноевропейской и белорусской (Ю.В. Быховец, С. Маймон, Я. Снядецкий, А. Довгирд).

Ключевые слова: культурный трансфер; философия И. Канта; Я. Снядецкий; С. Маймон; А. Довгирд.

CULTURAL TRANSFER OF I. KANT'S PHILOSOPHICAL IDEAS IN THE INTELLECTUAL HISTORY OF BELARUS

Mysau Yauheni Andreevich

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Vorobyova Svetlana Victorovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Culture, Belarusian State University

Abstract. The article reconstructs the process of penetration and adaptation of I. Kant's philosophical ideas in the intellectual history of Belarus. The basis of theoretical reconstruction is the principles of cultural transfer. It is shown how a critical understanding of the philosophical ideas of I. Kant took place at the intersection of two intellectual histories – Western European and Belarusian (Yu.V. Bykhovets, S. Maimon, J. Snyadetsky, A. Dovgird).

Keywords: cultural transfer; philosophy of I. Kant; Y. Snyadetsky; S. Maimon; A. Dovgird.

Обращение к теме культурного трансфера философских идей И. Канта в интеллектуальной белорусской истории актуально по ряду причин. Для

национальной философской мысли в условиях глобализации особое значение имеют историко-философские реконструкции влияния иных интеллектуальных пространств на подобное пространство Беларуси [1–4]. Это позволяет переустановить мировоззренческие, методологические, теоретические границы в интеллектуальной истории, расширить исследовательское поле, находить новые проблемы, разрабатывать способы из решения и практические приложения. Цель статьи заключается в теоретической реконструкции процесса проникновения и адаптации философских идей И. Канта в интеллектуальной истории Беларуси.

Культурный трансфер философских идей И. Канта начался в конце XVIII века. Содержание данной методологической установки раскрывается, согласно представлениям М. Эспаня и М. Вернера, как выявление «взаимосвязей и взаимных проникновений культурных национальных пространств» и «механизмов, при помощи которых сходные формы культуры способны воспринимать внешнее воздействие» [5, с. 8]. Это значит, что культурный трансфер ориентирован не на дисциплинарный или междисциплинарный способы организации знания, а на стратегию понимания. Эта стратегия опирается на принципы трансфера, связанные с коммуникативно-сетевыми механизмами, с диалектикой лимитрофных (пограничных) и монолитных смысловых значений» [6, с. 73]. Исходя из этой установки, проследим судьбу философских идей И. Канта в интеллектуальной истории Беларуси.

Одним из первых белорусских мыслителей, обратившихся к творчеству И. Канта, стал Ю.В. Быховец (1778–1845). В 1796 году, т.е. через год после выхода в свет, он перевел на польский язык его трактат И. Канта «К вечному миру», в 1799 г. – «Идею всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Свои переводы он сопровождал вступительными статьями и комментариями, в которых подчеркивал, что философия И. Канта служит противовесом против сенсуализма и гедонизма, выступив, таким образом, апологетом его философии [1].

Наиболее яркое критическое отношение к философии И. Канта представлено в работах Соломона Маймона (1753–1800), Яна Снядецкого (1756–1830) и Аниола Довгирда (1776–1835). С. Маймон начал читать «Критику чистого разума» тогда, когда ее смысл был еще непонятен и закрыт для интеллектуальных кругов. Он сразу проник в сущность новой трансцендентальной философии и начал писать комментарии. Он переслал первые комментарии И. Канту и получил от него похвалу. Но когда его критика приобретает радикальный характер, реакция немецкого философа

сменяется на непринятие и раздражение. Критика кантовской критики была направлена, прежде всего, на объяснение специфики познания, связанные с неоправданным разграничением чувственности и рассудка. «Кант утверждает, что чувственность и рассудок являются совершенно разными способностями; я же утверждаю, что, хотя у нас их нужно представлять в качестве двух различных способностей, они все же должны мыслиться... как одна и та же сила», но «чувственность представляет собой неполный рассудок» [2, с. 25]. С. Маймон изложив три аргумента, показал, что нельзя осознавать понятий в чувственности; сами понятия привязаны к ней; эти понятия неполные и постигаются «согласно временной последовательности законов чувственности». Но человек «мыслит все возможные понятия совершенными в своей законченности, одновременно и без какой-либо примеси чувственности» [2, с. 25].

Я. Снядецкий развивал свою аргументированную критику, выступив против кантовского априоризма и защищая материалистический сенсуализм в теории познания. Выясняя истоки трансцендентального идеализма в философии И. Канта, Я. Снядецкий указал, что немецкий философ использовал категории Аристотеля, у Платона позаимствовал идеи чувственности, рассудка, разума, у Пифагора – пространство и время. У Локка, Кондильяка, Лейбница И. Кант заимствовал идею разделения разума на чистый и эмпирический разум. Многие идеи он почерпнул из наследия субъективных идеалистов Беркли, Юма и др. Тем самым, творчество Я. Снядецкого можно рассматривать через призму культурного трансфера, так как он верно подметил, что философия И. Канта действительно была преемницей этих философских направлений. Однако, констатируя лишь простую преемственность, он не понял творческого, критического отношения немецкого философа к наследию прошлого.

В сочинении «О философии» Я. Снядецкий, выступая против априоризма И. Канта, защищает чувственный, опытный источник познания. Для этого он перечислил четыре порока учения И. Канта. [3, с. 40–41]. Первый порок, по его мнению, заключается в том, что И. Кант выдвинул «раздутое недоверие свидетельству наших чувств». Вторым пороком связан с тем, что в философии И. Канта рассматривается понятие о мыслящей душе как лишенной ощущений. По этому поводу Я. Снядецкий пояснил, что «глухой от рождения не может иметь никакой мысли о музыке, а слепой – о цветах. Человек, лишенный ощущений, не способен даже ничего понимать. Вот почему язык всех общих истин есть и должен быть чувственным, так как его выражения взяты от предметов, вызывающих ощущения.

Рассмотрение души в отрыве от ощущений приводит к идеализму» [3, с. 40]. Третий порок, или главная логическая ошибка И. Канта, состоит в том, что «он из неправильного и воображаемого представления о состоянии человека делает выводы о естественном и общем его состоянии. Здесь Кант напоминает человека, который после сытного обеда разглагольствует о том, что для поддержания органической жизни нет никакой надобности в пище» [3, с. 40]. Четвертый порок состоит в том, что он «совершенно не доказывает принципов своей науки, но берет их как якобы уже известные, в то время как они таковыми не являются» [3, с. 40–41].

Я. Снядецкий выступил против догматизма и бесплодных спекуляций в поисках сверхъестественных, всеобщих научных «начал». Он утверждал: «Нет у человека никакой, даже самой общей мысли, которая не имела бы истока в ощущениях и которая в той или иной связи с ними вытекала бы из чистого разума» [3, с. 44]. Я. Снядецкий был убежден, что весь материал познания черпается из ощущений и опыта. На основе их анализа и синтеза возникают общие понятия, законы, математические аксиомы. «Реальной и благотворной силой в человеке, которая дана ему природой», является разум. Он, опираясь «на опыт, наблюдения и чувственные впечатления», извлекает «из них силой рефлексии общие истины, от которых... снова доходит до феноменов» [3, с. 45].

Я. Снядецкий подверг критике «категорический императив» И. Канта, обосновав, что мораль и ее принципы носят исторический характер и не могут быть поняты вне изучения конкретных общественных отношений. Однако правильно критикуя кантовский априоризм и схематизм, субъективно-идеалистические тенденции, Я. Снядецкий не увидел положительных моментов в философии И. Канта, его диалектики в обоснования активности субъекта, роли логических средств в познании [1].

Третьим конструктивным критиком философии И. Канта следует признать А. Довгирда. В своем труде «Лекции о присущих мышлению правилах или теоретическая или практическая логика» (1828) он тщательно анализирует философию И. Канта. В отличие от Я. Снядецкого А. Довгирд с глубоким уважением относился к И. Канту, называя его гениальным философом. Но его критика включает как положительные, так и отрицательные аспекты. А. Довгирд считал, что И. Кант совершил реформу в философии, в ходе которой сформулировал ряд важнейших проблем в теории познания. В частности, А. Довгирд разделял мнение И. Канта о том, что первостепенной задачей философии является достижение подлинного познания внешнего мира. Согласен он был и с аргументацией И. Канта о

том, что человеческое познание содержит как объективные, так и субъективные элементы [1]. Но А. Довгирд уловил противоречивый характер философии И. Канта, что стало результатом некритического соединения в ней материалистических и идеалистических подходов. Идеалистические подходы вызывали у него решительный отпор у А. Довгирда. В частности, он показал, что трансцендентальная эстетика И. Канта приводит в конечном итоге к отрицанию объективной реальности. «Кант не предвидел выводов, к которым он должен был привести своих читателей, когда утверждал, что пространство есть конечная форма чувственности... Но так как внешняя реальность, по Канту, происходит из чистой формы чувственности, которой ничего подобного не может соответствовать в вещах в себе, то есть эти вещи, или ноумены... не могут быть действительно внешними относительно человеческого разума. Но если они не являются таковыми, у кого же тогда не возникнет мысль, что они должны находиться в том же самом разуме, ибо, где же еще найти для них место?» [4, с. 77].

А. Довгирд выступил против кантовского понимания логики. Согласно его позиции, «"Критика чистого разума", которая должна придавать незыблемые позиции всем навыкам, также должна была стать... самой важной частью логики», чтобы не вступить в противоречие с тем «смыслом, который логика имела до Канта» [4, с. 78]. Но он решил иначе, опираясь на свои трансцендентальные идеи и указав, что «логика изучает только форму, а не содержание мышления и поэтому не может считаться инструментом... для открытия новых истин» [4, с. 78–79]. Под истиной А. Довгирд понимает «не только согласованность... наших идей, но в еще большей степени согласованность вещей с теми представлениями, которые есть у нас о них». Поэтому формальная кантовская трактовка, лишенная «всякой реальности... это скорее тень истины» [4, с. 80].

Правильно раскрыв субъективно-идеалистическую основу философии И. Канта, А. Довгирд указал, что ноумены действительно не являются внешними по отношению к сознанию человека, ибо вне внешней формы чувственности они не существуют. Поэтому И. Кант поступает непоследовательно, допуская их существование вне сознания. Не удовлетворяет А. Довгирда кантовский априоризм, понимание пространства и времени. Он на многочисленных фактах обосновывает их опытное происхождение, опровергая тем самым аргументацию И. Канта об априорности этих категорий. «Представление чистого пространства не может быть аргіогі, поскольку родилось из представления о полной

протяженности» [4, с. 85]. Время, согласно И. Канту, так же, как и пространство, является априорной формой чувственности. Окончательным выводом, который получил И. Кант, было утверждение, что «время есть форма внутренней чувственности или созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния; но он нам не объяснил, каким образом получается эта форма? Почему она должна соединяться в человеке со всеми внутренними и даже внешними явлениями?» [4, с. 86].

Подводя итоги теоретической реконструкции процесса проникновения и адаптации философских идей И. Канта в интеллектуальной истории Беларуси, констатируем: культурный трансфер философских идей И. Канта является адекватной методологической позицией, позволяющей понять и оценить, иногда модифицировать, творчество И. Канта и его апологетов и критиков.

Список литературы

1. Клевченя, А.С. Философские идеи Канта в Белоруссии (к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума») [Электронный ресурс] / А.С. Клевченя // URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/298331/1/25-28.pdf> Дата обращения: 15.03. 2024.
2. Маймон, С. Опыт о трансцендентальной философии / С. Маймон //
3. Снядэцкі, Я. Пра філасофію / Я. Снядэцкі // Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапаможнік. У 3 т. Т 2 / склад.: А.А. Лягчылін [і інш.]; пад рэд. А.А Лягчыліна, А.Ю. Дудчыка. – Мінск: БДУ, 2021. – С.37–49.
4. Доўгірд, А. Трактат о естественных правилах мышления, или Теоретическая и практическая логика / А. Доўгірд // Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапаможнік. У 3 т. Т 2 / склад.: А.А. Лягчылін [і інш.]; пад рэд. А.А Лягчыліна, А.Ю. Дудчыка. – Мінск: БДУ, 2021. – С. 74–87.
5. Эспань, М. О понятии культурного трансфера. Предисловие / М. Эспань // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия) / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. – М.: ИМЛИ РАН. 2009. – С. 7–18.
6. Гнучих, В.Б. Трансфер знаний в учебном процессе: методические аспекты / В.Б. Гнучих, С.В. Воробьева // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы: сборник материалов XX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. – Минск: БГУ, 2023.– С. 73–76.